

Ирина Озёрная

КОРОЛЬ И СКАЗОЧНИК ЮРИЙ ОЛЕША

(1899-1960)

Знаменитый автор "Трех толстяков" оставил нам не очень большое литературное наследие. Но зато какое! Блистательный роман "Зависть", несколько филигранных рассказов, пьес и удивительную книгу размышлений о времени и себе, где поведал нам о детстве, футболе, искусстве и братьях-художниках, изданную после его смерти под заголовком "Ни дня без строчки". Не так давно в более полном варианте и другой композиции она появилась под названием "Книга прощания".

Волшебная сила

В жизни Олеша был абсолютным волшебником, сказочником, королем и нищим одновременно. То есть — поэтом по самому высокому счету.

Изъяснялся он исключительно притчами, больше всего на свете ценил слово художественное, терпеть не мог информационный газетный стиль, а из множества поэтических приемов предпочитал метафору.

Конечно же, этот прием в литературе доступен только художникам, обладающим волшебной силой слова. Ведь метафора возникает путем превращения обычных, казалось бы, предметов и явлений в новые, невероятные поэтические образы. И происходит это исключительно благодаря особым — волшебным! — глазам художника.

А поэт и сказочник Юрий Олеша своими глазами видел, что "Гром запыгал, как мяч, и покатился по ветру", и то, что юбки жен горожан "походили на розовые кусты", а фонари — "на шары, наполненные ослепительным кипящим молоком" ("Три толстяка"). Он своими ушами слы-

шал "овацкие листья" и то, что "сквозняк пел, как прачка". Любил уточнить: листья дуба — "трефовые" ("Любовь"), а "цыганская девочка — величиной с веник" ("Альдебаран").

Да, глаза его были так удивительно устроены, что красивое он видел прекрасным, и совершенно не переносил языковых штампов ни в литературе, ни в разговорной речи, пытался заново переименовать мир, щедро делясь своими открытиями с читателями. И читатели, глядя на мир глазами Олеша, тоже становились поэтами, обретая способность видеть и "мускулистый ветер", и "раскрытый рояль, похожий на фрак", а в облаке, повисшем над городом, — "очертания Южной Америки" ("Зависть").

Король метафоры

Его называли Королем метафоры! И, заметьте, коронован ею он был в самое густонаселенное великими художниками время — в 20-е годы прошлого столетия, когда гениев народилось столько, что они даже стали сбиваться в стаи по интересам. Футуристы, имажинисты, акмеисты, обэриуты...

И фамилия у него была сказочно-лесная — О-ле-ша. В ней слышится и дремучее слово "леший" и нежно-юное — олешка, уменьшительное от "молодого оленя", ну, вроде того, изображенного скачущим на гербе шляхетского рода Олеш (родившийся польским дворянином, писатель именно с этим зверем связывал происхождение своей фамилии).

А теперь — держитесь: к тому, что его папу звали Карлом (на итальянский манер — папа Карло), обеих бабушек, по материнской и отцовской линии, звали Мальвинами. Думается, что вряд ли такое совпадение случайно: Олеша явно поучаст-

вовал в процессе переименования персонажей сказки Карло Коллоди, по мотивам которой Алексей Толстой написал "Буратино". Ведь в "Приключениях Пиноккио" девочку с голубыми волосами зовут Маленькая фея, а старика, сделавшего из полена деревянного человечка, — Джеппетто. Да, конечно же, неспроста Валентин Катаев в "Алмазном моем венце" именуется Юрия Карловича "ключиком". Но нам лишь известен тот факт, что Алексей Толстой, собираясь написать сказку-воспоминание о "Пиноккио", пригласил в гости своего давнего знакомого, опытного уже сказочника Юрия Олешу, который вспоминал об этом так:

— Слушай, — говорит вдруг Толстой, — у меня есть один замысел. Рассказать?

И я выслушиваю историю о том, как он, Толстой, будучи ребенком, прочел некую повесть о деревянном человечке...

— Так вот слушай, что я хочу сделать. Написать книгу о приключениях деревянного человечка, причем объяснить читателю, что в данном случае я именно вспоминаю прочитанное и забытое... Что ты скажешь? По-моему, это хороший прием.

Кроме того что Олеша похвалил замысел, о продолжении этого разговора ничего не известно. Судя по всему, произошел он в 1934 году. К этому времени Олеша приобрел уже славу сказочника, равного Гофману или Андерсену. По его инсценировке романа "Три толстяка", уже неоднократно роскошно изданному с 1928 года, шли спектакли на главных сценах страны: в МХАТ, Ленинградском БДТ, а в Большом театре готовилась премьера одноименного балета.

Но, надо заметить, что слава Короля метафоры обрушилась на него вовсе не после публикации "толстяков", а за год до того — после выхода в свет его "Зависти", диковиннейшей жемчужины в литературе 20-х годов прошлого столетия. Главной книги жизни Олеша. Но не будем забегать вперед.

В распиленном мире

Он, дворянин, успел-таки родиться в XIX веке: в 1899 году в Елисаветграде (Кировоград). Вскоре после его рождения семья переехала в Одессу, где прошли его детство и юность.

С разбегу он оказался в разъеме эпох, видел радостный взлет цивилизации на следующую ее ступень, и одновременно — варварское распиливание мира его страной на старый и новый.

Страна начала жизнь с нуля. Она помолодела, посвежела и строем зашагала — вперед!.. к победе!.. — под веселящие марши. Безжалостно круша на своем пути все, что считала "бывшим" и "вражеским", она расправлялась и с вековой культурой. Уничтожая ее, на абсолютно пустом месте строила она свою, папалитовую — советскую.

Тема последнего сопротивления старой культуры, названная им "заговором чувств", станет главной во всех его произведениях.

Он, подросток, не услышал тогда, в тех победоносных маршевых кличках, предупреждающего его сигнала опасности. Он был ослеплен новизной мира, совпавшей с новизной его детства восприятия. Революцию он называл романтикой, а неуемную пропаганду физкультуры и спорта — приглашением к рыцарским турнирам.

Его футбольное королевство

В Ришельевской гимназии, которую Олеша окончил с золотой медалью, он прославился не только как лучший ученик и поэт, сумевший, ко всему прочему, блестяще перевести с латыни вступление к "Метаморфозам" Овидия. Он был и знаменитым хавбеком (устаревшее название полузащитника), на равных игравшим в одной команде с будущей суперзвездой мирового футбола — Григорием Богемским. Именно на футбольном поле произошла первая встреча Олеша с Валентином Катаевым, ближайшим другом до середины 30-х, после чего их дороги принципиально разошлись. Олеша выбрал мимо падающего голкипера в ворота. Ворота — два столба с верхней перекладиной, без сетки.

Продолжая по инерции мчаться вперед, маленький ришельевец победоносно смотрит на зрителей и кричит на всю площадку, хлопая в ладоши самому себе:

— Браво, я!

(Вроде Пушкина, закончившего "Бориса Годунова": "Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!")

— Кто забил гол? — спросил я.

И тогда второй раз в жизни услышал имя и фамилию ключика. В первый раз я их, впрочем, не услышал, а увидел под стихами...

Тогда я никак не мог предположить, что маленький ришельевец, забивший левой ногой такой прекрасный гол, и автор понравившихся мне стихов — одно и то же лицо... Я подошел к нему... назвал себя. Он назвал себя... Мне было семнадцать, ему пятнадцать".

Да, если бы из-за невроза сердца, обнаруженного вдруг у Олеша в детстве, врачи не наложили вето на его занятия спортом, из него вполне мог бы вырасти и король футбола. Но он стал королем метафоры, воспевшим футбол. Лучшие "футбольные странички" в литературе принадлежат ему. В романе "Зависть", например, сюжетная развязка происходит именно на футболе, на фоне международного матча. А финал пьесы "Заговор чувств", написанной по мотивам "Зависти" для Театра им. Вахтангова (премьера 1929 года) завершается эффектной ремаркой:

"Марш. Идут футболисты по лестнице. Двадцать два человека в пестрых одеждах. Рукоплескания".

И не случайно, что до конца жизни Олеша дружил с прославленным капитаном "Спартака" — флагманом советского футбола — Андреем Старостиным. Кстати, "флагман" сам замечательно рассказал об этой дружбе в сборнике "Воспоминания о Юрии Олеше".

И Юрий Карлович вспоминал и о Старостине, и о Богемском, и о своем футбольном детстве в записях "Ни дня без строчки" и "Книги прощания":

"Пыль была по щиколотку, и было приятно идти, потому что мне было тогда двенадцать лет. Далекая дорога на стадион... К спорту тогда относились несерьезно, считая, что это для подростков, причем известных плохим поведением. Какая-то организованная шалость — вот как относились к футболу... Мы возвращались уже среди сумерек. Цветы все казались белыми — и они были очень неподвижными, эти маленькие белые кресты, кресты сумерек.

Наши ноги в футбольных бутсах ступали по ним. Мы просто не видели их. Это теперь, вдруг оглянувшись, я увидел целый плащ цветов — белый, упавший в траву рыцарский плащ".

Мы возвращались уже среди сумерек. Цветы все казались белыми — и они были очень неподвижными, эти маленькие белые кресты, кресты сумерек.

Наши ноги в футбольных бутсах ступали по ним. Мы просто не видели их. Это теперь, вдруг оглянувшись, я увидел целый плащ цветов — белый, упавший в траву рыцарский плащ".

С зеленого поля — в "Зеленую лампу"

С зеленого поля — в "Зеленую лампу"

В той же мальчишечьей одесской команде вместе с Олешей и Катаевым играл в футбол и будущий известный поэт Эдуард Багрицкий. Они на долгие годы так и остались командой, шагнув с зеленого футбольного поля в высокую поэзию, в большую литературу. По дороге к ним присоединились Илья Ильф (тогда Файнзильберг), Евгений Петров (псевдоним Жени Катаева, взятый им во избежание путаницы со старшим братом), Семен Кирсанов, Зинаида Шлишова и другие завтрашние участники высшей литературной лиги. Перед стартом соберутся они в кружок, назвав его в честь знаменитого пушкинского братства "Зеленой лампой". И освятят этот заветом, нашумят в Одессе их поэзо-концерты, диспуты об искусстве, первые публикации в местной прессе и знаменитые импровизации короля-Олеша, с громким реноме, ну, очевидной небывальщины.

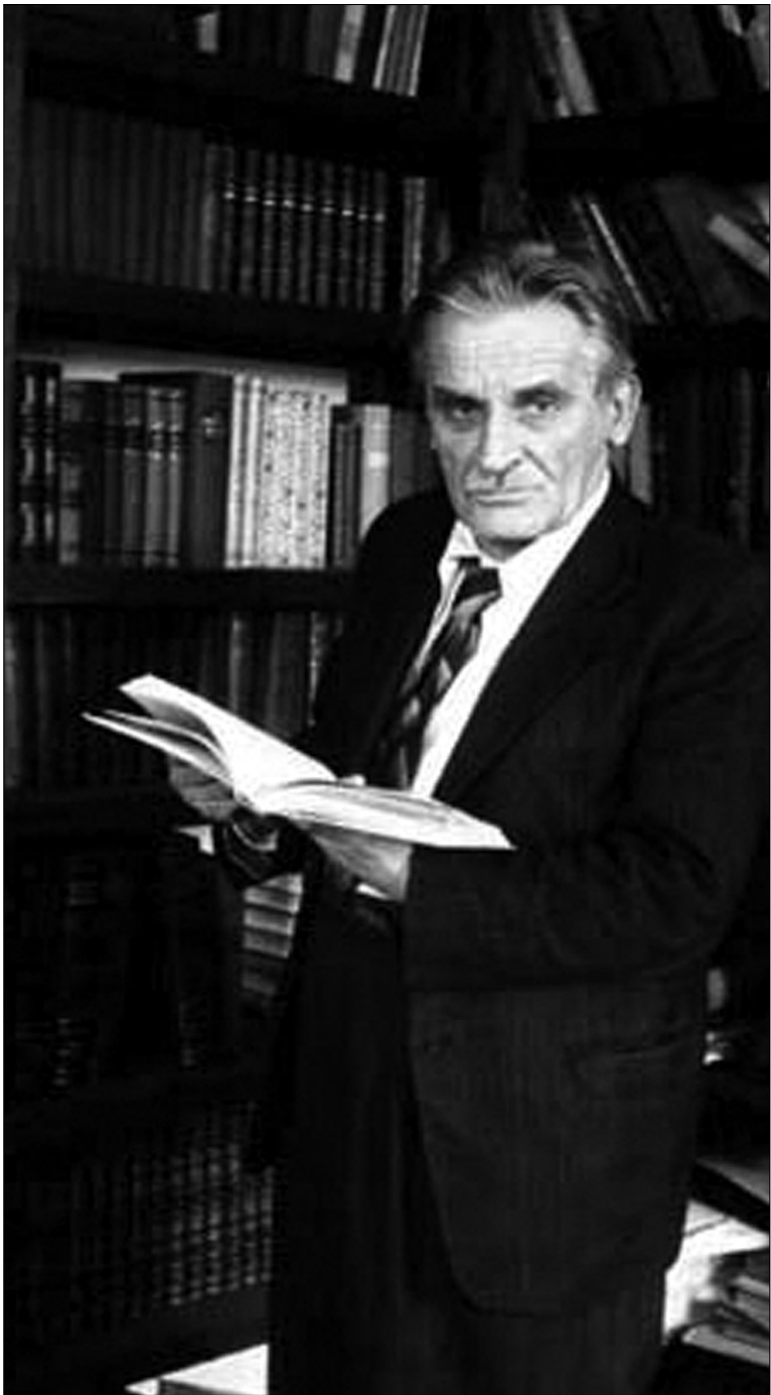
А происходило это следующим образом. В одесском кафе "Ай-Лайф", например, облюбованном "зеленоламповцами", шел очередной поэзо-концерт, в конце которого объявлялось: "Импровизации Юрия Олеша!". Он весь вечер наблюдал за посетителями кафе, слушал выступавших до него поэтов, и выйдя на эстраду, молниеносно, на глазах у публики, блестяще сочинял остроумнейшее стихотворное обозрение вечера, с лету импровизируя под каскады хохота и заработав бешеные аплодисменты в конце.

А в начале 20-х, когда вся эта литературная команда перебралась в Москву и почти в полном составе оккупировала газету "Гудок", это виртуозное умение Олеша всю использовала редакционная администрация. Он и тут прослыл королем.

Москва, "Гудок"

Все они перебрались в Москву, чтобы покорить мир. И покорили. Но не сразу сказка сказывалась: начали они никому еще не известными журналистами в железнодорожной газете "Гудок". Доводили до ума рабкоровские фельетоны и писали свои. В аппарате "Гудка" тех лет, как ни в какой другой газете, собралась поистине уникальная компания: одесситы — Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша; и киевляне: Михаил Булгаков, Константин Паустовский и др. Должности их называ-

"Здравствуй, брат, писать трудно!"

Этим приветствием обменивались при встрече ленинградские писатели "Серрапионовы братья". Олеша никогда не числился в их рядах, но по этому принципу один стоил целого братства. Из "серрапионов" он дружил с Зощенко и Кавериним. "Здравствуй, брат, писать трудно!" — говорили они при встречах друг другу. Что ж, большим художникам всегда работает нелегко, но Олешино стремление к совершенству и ответственность его за Слово художественное перехлестывало любые границы.

В архиве писателя сохранилось более двух тысяч страниц рукописей вариантов "Зависти". Причем уцелели из них далеко не все. "Пишу я трудно, — рассказывал он. — Написанное сегодня — завтра уничтожается. О каждом кусочке думаю: ужасно! и пишу снова. Каждый день все меняется. Каждый день задумываю новую вещь, в конце недели возвращаюсь к первоначальному замыслу — и опять прихожу к новому... Первых страниц было 300, и ни одна из них не стала потом первой. А первой стала какая-то другая страница".

Но однажды этот маниакальный процесс вдруг прервался более чем на полгода. И за это время почти шутя, точно играя в буриме для "Гудка", Олеша написал сказку "Три толстяка". А произошло это следующим образом.

Как становятся сказочниками

Однажды из окошка катаевской квартиры в Мыльниковом переулке Олеша увидел сидящую в окне дома напротив очаровательную девочку лет тринадцати с книжкой в руках. Девочка, похожая на принцессу, читала Андерсена, и очень понравилась королю Олеше. Он познакомился с ней и влюбился. А чтобы завоевать сердце принцессы, он пообещал для нее написать сказку, красиво издать и посвятить ей. Олеша надеялся, что когда девочка вырастет, — поймет, что он гений, полюбит его, и они поженятся. Принцессе ту звали Валья Грюнзайд.

И отложив "Зависть", влюбленный Олеша ринулся писать "Три толстяка". Жил он тогда в клетушке-"пенале" импровизированного общежития для бездомных "гудковцев", устроенного за перегородкой прямо в типографии. Позже его опишет Ильф с Петровым в "Двенадцати стульях" как "Общежитие им. Бертольда Шварца".

Там, лежа на полу, юный сказочник писал "толстяков" на рулоне типографской бумаги, откатывая его, как футбольный мяч. И — о чудо! Годами шлифующий свою прозу Олеша написал "толстяков" за восемь месяцев. Уже в начале 1924 года в издательство детской литературы отправилась весьма солидная рукопись.

Но, увы, все издательства от "толстяков" отказались. Сказка как таковая в послереволюционные годы считалась "проповедью мистики и идеализма", а потому не рекомендовалась советским детям. И только в 1928 году, почти через год после выхода "Зависти", вмиг сделавшей Олешу знаменитым, сказка с восторгом была напечатана одним из престижнейших издательств страны, с иллюстрациями крупнейшего графика эпохи Мстислава Добужинского. И, как было обещано девочке, на отдельном листе роскошной книжки красовалась: "Посвящается Валентине Леонтьевне Грюнзайд".

Да, за эти пять лет принцесса выросла. Книжка подросла к ее совершеннолетию и свадьбе. Правда, замуж она вышла за другого писателя — Евгения Петрова. И Олеша к тому времени уже был женат, сдал королевой прекрасную женщину с удивительной фамилией, обернувшейся именем героини "толстяков". Жену его звали Ольга Суок.

"Зависть"

Героем "Зависти" был поэт с абсолютно метафорической фамилией Кавалеров. Недобитый донкихот, сражающийся со временем за культуру и чувства старого мира, отстаивающий Достоинство, Поэзию, Любовь и искусство служения Прекрасной Даме. Его речь выходила из совберегов. Он чувствовал и говорил так красиво, что Время просто не понимало его, будто эта речь была иностранной. А на лучшее изречение, сказанное девушке: "Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев", — антагонист Кавалерова презрительно хохотал: "Полная цветов? Цветов и листьев?.. Это, наверное, какой-нибудь алкоголик..."

Этот антагонист, герой нового мира Андрей Бабичев — бывший революционер, комиссар гражданской, член правительства, высокий чиновник, "заведующий всем, что касается жранья", прославившийся изобретением нового сорта колбасы. Он — тот самый хозяин жизни, кто, по мнению Кавалерова, уничтожил культуру, изменил природу славы, унизив ее до создания колбасы, а теперь он добивает его, поэта. И Кавалеров бросает вызов: "...я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы... за нежность, за пафос, за личность, за имена, волнующие, как имя Офелия, за все, что подавляет вы...". Но он, интеллигент, проигрывает власть имущему, и нищим отброшен на задворки жизни (массовые репрессии тогда еще не начались).

"У меня есть убеждение, что я написал книгу "Зависть", которая будет жить века... От этих листов исходит эманация изящества", — позже напишет Олеша в дневнике.

Да, "Зависть" наделала много шума, о ней заспорили, заговорили все. Знающие толк изыска — восхищались, а многочисленные представители РАПП (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей), злобно раскритиковав роман, тут же обвинили Олешу в интеллигентности и формализме, в том, что он не колесит по стройкам и не сочиняет эпопей о героях пятилеток. Они заклеили Олешу кличкой — тогда еще не "врага народа", но уже лишь "попутчика советской власти". Этим же перспективным клеймом было помечено большинство лучших писателей 20-х годов.

Нищий

Олеша затаился и начал писать роман "Нищий" с пророческой для себя щемящей темой: о бессмысленной гениальности сегоднешнего писателя, выброшенного в ломотях на паперть за углом. Затем, оставив роман, перенес эту тему в пьесу, которую ему заказал МХАТ. Эта лучшая его пьеса называлась "Смерть Занда". Он писал ее пять лет, но так и не закончил. Не захотел загубить просоветской концовкой, как уже испортил, уговоренный Мейерхольдом, — мол, без этого теперь ставить нельзя! — "Список благодетелей", написанный для ГосТИМ в 1931-м. Мейерхольд ее, правда, с восторгом поставил с Зинаидой Райх в главной роли. Она играла актрису Главарову, сбжавшую из страны Советов в Париж, но не нашедшую там святого искусства и в отчаяние погибшую среди рабочих на баррикадах. Мейерхольд с эффектной заботой прикрывал ее в финале красным флагом.

Молчание вечности

Он, король, рыцарь и чародей, с лету разбился о жесткое, закованное в железобетонные латы время, подманившее сначала его свежестью новизны. Копье было сломано, меч выбит из рук, щит расколот, а сам он вылетел из седла. Пришла изматывающая "болезнь молчания", разновидность писательского изгойства тех лет... Начиная с брошенного романа "Нищий", он, непрерывно работая, разучивался ставить точку. Постепенно от него уходила слава.

В 1934-м году с подмостков I-го Съезда писателей Олеша прямодушно заявил о своей полной нестыковке с директивным направлением в советской литературе:

"...Я понял, что дело не во мне, а... в том, что окружает меня... Я мог бы поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было бы моей темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания... Я представил себя нищим. Очень трудную жизнь представил я себе — жизнь человека, у которого отнято все..."

Стою на ступенях в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка — "писатель".

Он начал лечить себя пьянством, и — как ни парадоксально — выжил именно с помощью этого лекарства. Время махнуло на него рукой и перестало преследовать. Оно не видело больше опасности в опустившемся пьянице, "бывшем писателе", каламбурищем целыми днями за столиком кафе "Националь".

"Ни дня без строчки"

Но самое удивительное, что он выжил и как писатель. С конца 20-х он вел дневник, который потом взял за основу книги, состоящей из отдельных записей, зачастую брошенных на полуслове. Так возник жанр "Ни дня без строчки", романа "в стол" о собственной жизни и времени, которое он несмотря ни на что сумел честно прожить Художником.

"Я пишу эту книгу, не заботясь о том, чтобы из нее получилось некое цельное произведение. Цельное не может не получиться... то, что приходит в голову, всегда имеет цену звена. По всей вероятности я пишу книгу об эпохе. Об эпохе, в которую включена и моя жизнь..."

Кто-то сказал, что от искусства для вечности останется только метафора. Так оно, конечно, и есть... мне приятно думать, что я делаю кое-что, что могло бы остаться для вечности... Что такое вечность, как не метафора...

Знаете ли вы, что такое террор? Это гораздо интереснее, чем украинская ночь. Террор — это огромный нос, который смотрит на вас из-за угла. Потом этот нос висит в воздухе, освещенный прожекторами, а бывает также, что этот нос называется Днем поэзии. Иногда, правда, его называют Константин Федин... или Алексеем Суковым...

Я могу выбирать. Значит, нужно выбросить кошелек, перестать зарабатывать, — может быть, это путь к чистоте... я найду чистоту мою... я стану нищим... Я ухватил кончик нити и распустил клубок...

Я тебя вспоминаю, дитя, которое нагнулось надо мной. Сколько лет! Сколько лет!! И эта тоска всегда со мной — Успенская? Княжеская? Я стал, дитя, князем "Националя" — о, мое бесконечно золотое видение...

Неважно, чего я достиг в жизни, важно, что я каждую минуту жил...

Да здравствуют собаки! Да здравствуют тигры, попугаи, тапиры, бегемоты, медведи гризли! Да здравствует птица-секретарь в атласных панталонах и золотых очках! Да здравствует всё, что живет вообще — в траве, в пещерах, среди камней! Да здравствует мир без меня!"

лись: обработчики. Днем они превращали в шедевры информацию, полученную от рабкоров со всей страны. А по ночам на краешках кухонных столов своих "вороньих слободок" сочиняли те самые покорившие мир романы, повести, пьесы. Фельетоны подписывали забавными псевдонимами. Булгаков был "Крахмальной манишкой", Катаев — "Стариком Саббакиным", а Юрий Олеша прославился как "Зубило". Это имя было самым популярным у читателей "Гудка".

Так вот, когда редакционная администрация была озабочена очередной годовой подпиской, Олешу-Зубило возили на гастроли по крупнейшим железнодорожным узлам страны. В Саратове, Харькове или Киеве для этого арендовалось самое большое помещение, как правило, цирк. Город завесившаяся афишами, кричащими о том, что на встрече с железнодорожниками выступит Зубило. Это было залогом того, что яблоку на вечер упасть будет негде. И вот в переполненном цирке докладчик, обстоятельно рассказав о достоинствах "Гудка", вдруг просил правую половину цирка выкрикивать слова, которые придут на ум, а левую — подбирать к этим словам рифмы. Началась игра, цирк оживлялся, люди выкрикивали рифмы.

— Хватит! — торжественно заявил докладчик, как только набралось достаточно слов. — Сейчас товарищ Зубило на глазах у всех сочинит поэму. В ней прозвучат все названные здесь слова, причем в той самой последовательности. Товарищ Зубило, прошу!

Олеша, заглянув в листочки, только что полученные у докладчика, выходил к середине манежа и обращался к уважаемой публике:

— Здесь 130 слов и столько же к ним рифм. Значит — 260 строк. Сколько времени вы мне даете на сочинение?

И какую бы цифру не называли слева, справа, с высот галерки, Олеша твердил одно:

— Много!

Потом кто-нибудь робко догадывался:

— Пять минут?
— Слишком много! Ни одной минуты!

Это был настоящий цирк! Как и раньше, в кафе "Ай-Лайф", ошеломленную аудиторию слушала остроумнейшее стихотворное повествование из набора подброшенных слов и рифм, рассказывающее о каждодневной жизни на транспорте, о "Гудке" и даже об этом самом вечере. Такая литературная игра — создание стихов на заранее заданные рифмующие слова, называется буриме, и доступна она далеко не всем поэтам. А Олеша был к тому же и мастером экспромта.

Подписка на "Гудок" после этого была поголовной.

Простор для поэзии

Но он оставался равнодушным к своей славе стихотворного фельетониста, зарабатывая в "Гудке" себе просто на жизнь. Фельетоны писались шутя, не требовали ни сил, ни энергии, потому были неинтересны ему, а лирические стихи он вообще перестал писать. Рифма вдруг стала ему мешать. На первом его сборнике стихотворных фельетонов "Зубило", подаренном им в 1924 г. Булгакову, была сделана такая надпись: "Мишенька, я никогда больше не буду писать отвлеченных лирических стихов. Это никому не нужно". И одновременно с этим он восклицал: "Проза — вот настоящий простор для поэзии!".

И на этом своем безграничном просторе он, еще никому не известный писатель Олеша, а вовсе не прославленный фельетонист Зубило, создавал совершенно особую, ни на чью не похожую прозу, целиком состоящую из невероятных по точности и силе метафор. Он колдовал над этой мозаикой, точно безумец, мостящий дорогу исключительно отборными драгоценными камнями. Целых пять лет (с 1922 по 1927) он работал над такой небольшой по объему "Завистью".